

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ, А. В. КОЗУЛИНА

Бремя выбора

Почему В. И. Вернадский вернулся
в Советскую Россию?

О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

А. Твардовский

Феномен В. И. Вернадского, выделенный А. В. Лапо *, состоит и в том, что уже более 30 лет по экспоненте растет интерес к его жизни, научному творчеству и общественно-политической деятельности. В конце 60-х гг. взрыв публикаций о биогеохимических трудах Вернадского был вскоре дополнен, под влиянием книг И. И. Мочалова **, массовым увлечением философскими размышлениями ученого, в которых искали ответы на теоретические вопросы науки и глобальные проблемы человечества. Перестроечная литература явила новый образ Вернадского: непримиримого критика большевистского режима, борца с насильственной диалектизацией естествознания, «печальника» за отечественную науку и заступника за репрессированных ученых ***. <...>

Сейчас зарождается новая тема публикаций, где основное внимание уделяется отмеченной еще К. Бэйлсом удивительной

---

* *Лапо А. В. Traces of Bygone Biospheres. Moscow, 1987; Он же. Феномен Вернадского // Ноосфера. Духовный мир человека. Л., 1989. С. 13—24.*

** *Мочалов И. И. Вернадский — человек и мыслитель. М., 1970; Он же. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982.*

*** *Вернадский В. И. Из писем разных лет. Публикация и примечания С. Р. Микулинского // Вестн. АН СССР. 1990. № 5. С. 77—125.*

«социальной пластичности» ученого, позволявшей ему преуспевать на всех этапах трагической истории России в XX в. * Ставится задача «деканонизировать» Вернадского, расстаться с мифом о нем как носителе нравственных традиций русской интеллигенции и увидеть в Вернадском прежде всего прагматика, умело использовавшего сталинскую систему для финансирования своих научных исследований. Справедливо указывается и на необходимость введения в научный оборот новых «полноценных текстов самого ученого» **. <...>

Многочисленные архивные документы показывают, до какой степени Вернадский был захвачен биогеохимическими идеями <...> Эта вера побуждала его к эмиграции. В письме к своему многолетнему другу А. В. Гольштейн он сообщал: «Я стремлюсь за границу, так как здесь чрезвычайно трудно работать и я хочу закончить и издать по-русски и по-английски два своих труда: 1) “Основы геохимии” и 2) “Живое вещество с геологической точки зрения”... Здесь работать над ними можно, но я достигаю 10—25 % работы в одно и то же время, следовательно, трачу в 4—10 раз больше времени, чем следует»***.

Вскоре и такая работа стала невозможной. Таврический университет¹ выделил деньги для поездки в Лондон, но в сентябре² Вернадского уговорили стать ректором университета, и отъезд был отложен. Из-за эвакуации армии П. Н. Врангеля из Крыма намерение временно покинуть Россию стало особенно актуальным. Вернадский должен был уехать в Стамбул, где его ждал сын Георгий, а оттуда уже в Лондон. Однако профессора и студенты университета попросили его остаться на время смены власти. В марте 1921 г. вместо Лондона он попал в Москву, куда был привезен в специальном вагоне вместе с женой и дочерью. После краткого ареста он возобновляет работу в Петрограде в Академии наук. <...>

Но Вернадскому удается попасть за границу. Ректор Сорбонны пригласил прочитать курс лекций по геохимии. Командировка облегчила избрание Вернадского почетным членом

* *Bailes K.* Science and Russian Culture in the Age Revolutions. V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863—1945. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990 (цит. с. VI).

** *Сорокина М. Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX—XX вв.: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 249.

*** История полувековой дружбы / Публикация А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. 1995. Вып. 18. С. 353—425 (цит. с. 383).

Французской академии, но пришлось бороться за возможность ехать вместе с женой и дочерью Ниной, что вначале представлялось невероятным. Потребовались многочисленные хлопоты, заполнение огромного количества бумаг, поручительства коммунистов, например заместителя Наркомпроса и руководителя Социалистической Академии М. Н. Покровского, прежде чем все было улажено. Командировка планировалась на четыре-пять месяцев. Если условия для работы окажутся благоприятными, то Вернадский «дал слово» вернуться, чтобы «хлопотать о дальнейшей командировке»*. Он понимал, какие последствия его невозвращения грозят поручившимся за него и сотрудникам руководимых им учреждений. <...>

В. И. Вернадского встретили в Париже с подчеркнутым пиететом. Французская академия присудила премию в размере 4000 франков, а Министерство иностранных дел ежемесячно выдавало 1000 франков. В пределах выделенных лабораторных средств была предоставлена возможность заказывать приборы, материалы и т. д. Приезд Вернадского был большим событием для эмигрантских кругов. Отовсюду шли дружеские письма, полные сочувствия и поддержки. Приезду Вернадского радовались и русские студенты-геологи из училища в Брно, и профессора в Англии, Германии, Чехословакии. Все были уверены, что Вернадский приехал навсегда. Друзья в Париже (В. К. Агафонов, А. В. Гольштейн), ранее способствовавшие организации командировки (переговоры с Французской академией об избрании, получении виз и т. д.), помогли на первых порах устроиться и осмотреться.

Ожила надежда создать в какой-либо стране лабораторию или даже институт живого вещества и наладить масштабные исследования. Вернадский посылает письма своим российским друзьям, разбросанным эмиграцией по Европе и США, стараясь уяснить ситуацию, и просит похлопотать за него. Запросы-предложения идут в Институт Карнеги, Национальный исследовательский совет США, в Минералогическое общество Америки, в Британскую ассоциацию за прогресс в науке и т. д. <...>

Надежда забрезжила с созданием фонда Розенталя, «короля жемчуга», пожелавшего сделать что-нибудь для химии. С ним Вернадского свел Агафонов. Розенталь, по словам Вернадского, ничего не понимал в химии, но идеи Вернадского ему понравились**. Это и предопределило победу русского ученого в кон-

* Письмо В. И. Вернадского к сыну. 26 марта 1922 г.

** Письмо В. И. Вернадского к дочери. 16 февр. 1924 г.

курсе. Но выделенная сумма оказалась скромной — 30 000 франков на год с перспективой продления финансирования еще на год, если результаты будут признаны обнадеживающими. <...>

Получив из фонда Розенталя средства, Вернадский погружается в работу, надеясь получить обнадеживающие результаты, которые стали бы основанием для продления финансирования. Но оказалось, что полученная сумма не позволяет мечтать о серьезном исследовании. Нельзя было нанять ни помощника, ни лаборанта. А в одиночку, как он сетует в письмах, ему далеко не уехать.

К началу 1925 г. выясняется, что работы по биосфере не встречают того понимания, на которое рассчитывал Вернадский. Например, опубликованной статьей о давлении живого вещества «никто не интересуется»*. Экспериментальный материал, представленный экспертам, французским физикам и биологам, также встретил непонимание. Сомнения в полученных результатах были и у чехословацких химиков, о чем не раз сообщал в своих письмах к Вернадскому Славик. Вернадский осознавал: «Мои идеи проходят медленно и, как всегда, встречают непонимание и недоверие»**, объясняя негативные отзывы новизной поднимаемых проблем.

Уверенность в своей правоте заставляла думать, что реакция научного сообщества была бы другой при обширных экспериментальных исследованиях и активной пропаганде идей. Вспоминались слова Ферсмана о том, что настоящей работой Вернадский может заняться только в России. <...> Он начинает понимать, что на столь экзотические исследования можно получить деньги только на Родине в силу своей глубокой встроенности в научное сообщество и высокого авторитета. Вернадский убеждался, что ученые, оставшиеся в СССР, сохранили возможность заниматься научной работой и существенно расширили ее масштабы, используя заинтересованность большевиков в науке. Иначе он оценивал ситуацию в континентальной Европе. В письмах к А. Е. Ферсману и дочери Вернадский не раз отмечал, что близкие для него отрасли знания (геология, минералогия, кристаллография) находились в упадке, литература в библиотеках была бедна, а зарплата ученых мала. <...>

* Письмо В. И. Вернадского к дочери. 30 июня 1925 г.

** «Я верю в силу свободной мысли»: Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 204—221 (цит. с. 212).

Наконец Вернадский принимает решение вернуться. Отныне он не обращает внимания на рассказы приезжавших в Париж академиков (С. П. Костычев, И. П. Павлов и др.) о тяжелой политической обстановке, о переходе к стадии «государственного социализма», о потере у интеллигенции воли к сопротивлению вследствие исчезновения «борьбы за кусок хлеба в буквальном смысле», о закрытии ряда научных обществ, о невыносимой обстановке в вузах и т. д. Для него важнее впечатление, вынесенное с юбилейных торжеств³ всеми иностранными гостями: «Эмиграция является в сознании всех, кроме узкого круга, ничтожной величиной, и с ней не считаются...» * Вернадский же хотел, чтобы с ним считались. <...>

Решение вернуться в Россию было принято Вернадским вопреки воле родных и ближайших друзей. Подавлен был сын Георгий, бурно волновалась дочь, неистовствовала Гольштейн⁴. Последняя называла поступок Вернадского безумием, донкихотством, за которое поплатится прежде всего «ни в чем не повинная» его жена Наталья Егоровна**. Настроенная весьма критически к науке вообще и к научным занятиям Вернадского в частности, она не желала понять, как ради возможности продолжить занятия наукой можно вернуться к большевикам. Не принимала Гольштейн и ссылок Вернадского на «данное слово вернуться». Более того, она боялась, что «его там прижмут за долгое пребывание за границей и за позднее возвращение. Никто не поверит, что он вернулся, выполняя данное слово, объяснят это тем, что не удалось ему устроить свою жизнь здесь, и вот там, в Совдепии, его будут кормить...» Правда, допускалось, что прижимать не будут, а «окажут великий почет»***.

Но Вернадский уже не слушал никакие пророчества. Он был уверен, что полное погружение в научные изыскания позволило много пережить «совсем иначе, чем переживается вокруг меня»****. Он убеждался не раз «в неправильности всех оценок и построений, которые делались по отношению к переживавшимся нами событиям, и не вижу никаких гарантий и никаких указаний на то, что дальнейшие — теперешние оценки

* Письмо В. И. Вернадского к сыну. 10 нояб. 1925 г.

** История полувековой дружбы / Публикация А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. 1995. Вып. 18. С. 353—425 (цит. с. 411).

*** Там же. С. 412.

**** «Я верю в силу свободной мысли»: Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 204—221 (цит. с. 217).

тех же людей были верны». Себя он сравнивал с тем китайским мандарином, который стал ближайшим помощником Чингисхана и «благодаря ему, а не его моральным противником, Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав». Проводя аналогию с миром живого, где из миллионов родившихся выживают единицы, Вернадский считал оправданным сотрудничество с большевиками, так как и при них появляются ростки будущего.

Процесс переоценки «идеалов жизни», начавшийся в годы гражданской войны, завершился выводом не только о возможности, но и о необходимости сотрудничать с самыми жестокими правителями, если в конечном счете это сотрудничество будет полезно для науки, страны и народа в целом. <...>

